

АНТИЧНЫЕ ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

3.1. ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПЕРЕВОД «ПОЭТИКИ» АРИСТОТЕЛЯ¹

© А.Ю. Нилова

Влияние трактата греческого философа на европейскую литературную теорию сложно переоценить, однако философский метод Аристотеля, его манера изложения в этом сочинении представляют значительную сложность для всех интерпретаторов «Поэтики». Первый русский перевод «Поэтики» был выполнен в 1854 г. и стал первым научным и критическим переводом трактата, задавшим вектор последующих его переводов. В главе описывается структура работы Ордынского, анализируется перевод заглавия произведения Стагирита, понимание переводчиком основной темы «Поэтики» и интерпретация Ордынским терминов Аристотеля $\mu\theta\omicron\varsigma$ и $\lambda\acute{\alpha}\theta\omicron\varsigma$, отмечается преемственность и новаторство Ордынского по отношению к предшествующей традиции интерпретации трактата.

Ключевые слова: Аристотель, «Поэтика», Ордынский, перевод, поэзия, трагедия, катарсис, мимесис.

«Поэтика» Аристотеля лежит в основе современного литературоведения и литературоведческой терминологии. Как отметил один из ее переводчиков, Н.И. Новосадский, «трудно указать другую такую же маленькую книжку, как Поэтика Аристотеля, которая столько бы раз переиздавалась, о которой так много было бы написано, и которая имела бы такое большое влияние на целые литературные течения» [1, с. 5]. Однако сложность текста трактата, вызванная как историей его создания, так последующей судьбой, стала общим местом мирового литературоведения. Каждый исследователь, приступающий к анализу этого произведения, говорит о темноте его языка и противоречивости содержания. В связи с этим каждый перевод сочинения греческого философа, каждое обращение к нему, становится одновременно и попыткой раскрыть первоначальный замысел трактата Аристотеля. В настоящее время существует не менее 6 переводов «Поэтики» на русский язык. Но еще до появления собственно переводов содержание трактата было известно русским читателям и теоретикам и оказывало существенное влияние на становление отечественного

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-18-00423.

литературоведения. Влияние «Поэтики» хорошо заметно в школьных пиитиках конца 17 – начала 18 вв. Феофан Прокопович в сочинении «De arte poetica» очень близко к оригиналу пересказывает Аристотеля. На Аристотеля ссылается Н. Остолопов в своем Словаре. В 1819 г. в журнале «Труды Общества любителей Российской словесности при Императорском Московском университете» был опубликован перевод 25 главы «Поэтики», выполненный А.Г. Глаголевым. Этот перевод появился в контексте журнальной дискуссии о критике, другие главы трактата Глаголев не переводил, хотя сохранились его собственные литературоведческие работы «Рассуждение о греческой трагедии», «Умозрительные и опытные основания словесности» и др. Влияние «Поэтики» заметно в сочинениях В. Белинского и С. Шевырёва.

В 1854 г. Б.И. Ордынский, отечественный филолог-классик, преподаватель, переводчик и литературный критик, опубликовал свой перевод «Поэтики». Он полностью перевел первые 18 глав трактата, остальные пересказал близко к тексту, перемежая пересказ полноценным переводом некоторых фрагментов. Перевод содержал объемный справочный аппарат: «Предисловие», «Примечания» и «Изложение». В основе работы лежала магистерская диссертация переводчика, поэтому труд Ордынского стал не только первым переводом «Поэтики», но и первым научным ее переводом на русский язык. В «Предисловии» Ордынский указал на имеющиеся текстологические проблемы, перечислил издания и переводы «Поэтики», на которые он опирался, и отметил, что ему наиболее близка интерпретация идей Аристотеля, представленная в «Гамбургской драматургии» Лессинга [2, с. II]. Здесь же Ордынский сформулировал цель своей работы, которую он видел в том, чтобы «установить текст и объяснить прямой смысл самой Пиитики» [2, с. III], дать «возможно точное выражение не только мыслей Аристотеля, но и оттенков ихъ» [2, с. V–VI]. Ордынский акцентировал внимание на сложностях, с которыми сталкивается переводчик при попытке передать средствами русского языка терминологию греческого философа. В русском языке отсутствовали прямые эквиваленты основных терминов «Поэтики», поэтому Ордынскому пришлось столкнуться с задачей, остающейся неразрешимой и для современных переводчиков – выработать философский язык для адекватной передачи концепции Стагирита. Для того, чтобы перевести текст Аристотеля, но при этом не впасть в чрезмерный переводческий волюнтаризм, сохранить для читателя оригинальную терминологию греческого автора, Ордынский перевел термины, но сохранил и оригинал, поместив греческие термины в скобки. Таким образом он предупредил метод «квадратных скобок», которым спустя более ста лет пользовался М.Л. Гаспаров в своем переводе «Поэтики».

«Примечания» содержат реальный комментарий к тексту Аристотеля, здесь же объясняется выбор перевода конкретных фраз. В «Изложении» Ордынский прокомментировал термины Аристотеля, их трактовку в европейской критике и собственный перевод, т. е. предложил собственную интерпретацию трактата афинского философа.

Ордынский отказался от устоявшегося в русской традиции перевода названия трактата Аристотеля как *Πιитика* (именно так его переводил, например, Глаголев), и предложил свой вариант: «О поэзии». Такой выбор Ордынский объяснил следующим образом: «Заглавіе Аристотелева сочиненія обыкновенно переводится неточно (*Πιитика* [здесь и далее выделение курсивом Б.И. Ордынского – А.Н.], *Роëtica*, *Роëtik*, *la Роëtique* и т. п.) и не отвечает греческому *Περὶ ποιητικῆς*. Слово *ποιητικῆ* едва ли имѣло то значеніе, которое мы даемъ *пѣитикъ*, т. е. наукѣ о поэзіи, теоріи поэзіи; по крайней мѣрѣ ни въ настоящемъ сочиненіи Аристотеля, ни у Платона оно его не имѣеть. Какъ *ποιητικὸς* назывался *способный творить* и часто значить почти тоже, что *ποιητής*, творецъ, поэтъ: такъ и *ποιητικῆ* у Аристотеля значить искусство творить, творчество; иногда тоже, что поэзія» [2, с. 41]. В качестве доказательства своих наблюдений Ордынский проанализировал все примеры употребления слова *ποιητικῆ* в сочинении Аристотеля. Всего их переводчик нашел 10, остановимся на некоторых из них. Ордынский обратил внимание на самое начало трактата: «...въ самомъ началѣ: *περὶ ποιητικῆς αὐτῆς τε καὶ εἰδῶν αὐτῆς*. Виды поэзіи извѣстны намъ, извѣстны были и древнимъ; но видовъ *пѣитики*, т. е. науки о поэзіи быть не можетъ» [2, с. 41]. Еще один примеръ – Ордынский указал на фразу из 15 главы «*τὰ παρὰ τὰς ἐξ ἀνάγκης ἀκολουθοῦσας αἰσθήσεις τῇ ποιητικῇ*» которую он перевел следующим образом: «то, что связано съ ощущеніями, доставляемыми поэзіею». *Πιитика*, т. е. теорія поэзіи, – по справедливому замечанию переводчика, – ощущеній производить не можетъ» [2, с. 42]. Таким же образом Ордынский проанализировал все остальные случаи употребления слова *ποιητικῆ* и пришел к выводу, что «во всѣхъ десяти мѣстахъ этого меньшаго сочиненія, въ которыхъ встрѣчается слово *ἡ ποιητικῆ*, слово это значить *творчество*, творческое искусство, и почти вездѣ можетъ быть замѣнено словомъ *ποίησις*, поэзія» [2, с. 43]. Следовательно, заключил Ордынский, трактат нужно переводить «О поэзии».

Ордынский, конечно, заметил возникшее противоречие. Трактат о поэзии по-гречески должен бы называться «*Περὶ ποιήσεως*», а не «*Περὶ ποιητικῆς*» [2, с. 44, 48]. По этому поводу Ордынский писал следующее: Аристотель, «какъ изъ собственныхъ словъ его явствуетъ, намѣрень былъ дать и *далъ творцамъ*,

художникамъ, нѣсколько правилъ, большею частію практическихъ, опытныхъ, которыми бы руководились трагическіе поэты» [2, с. 48]. В последней части «Изложения» он сказал более определенно: «Пиитика есть скорѣе руководство, чѣмъ теорія поэзіи» [2, с. 132]. Т. е. он все-таки воспринимал «Поэтику» как свод правил и норм и поэтому счел необходимым оговориться: «впрочемъ по смыслу заглавіе Аристотелева сочиненія отвѣчаетъ *Пиитикъ*; потому и мы не станемъ избѣгать этого слова» [2, с. 48]. И не избегал его. В Изложении он часто называл трактат «Пиитика», последовательно использовал это название и в процессе полемики с Н.Г. Чернышевским. Т. е. Ордынский не смог логично и последовательно завершить собственные вполне убедительные рассуждения и окончательно преодолеть инерцию традиции. Название «Об искусстве поэзии» использует в своем переводе только В. Аппельрот в 1893 г., а между Ордынским и Аппельротом был еще В. Захаров, который озаглавил свой перевод описательно: «Поэтика Аристотеля» и заложил таким образом будущую традицию перевода названия трактата. Именно названием «Поэтика» будут пользоваться последующие переводчики.

Как уже было сказано, Ордынский прокомментировал практически все термины Аристотеля, во всяком случае все основные, и его интерпретация каждого из них может быть предметом отдельного анализа или описания в контексте развития отечественной и европейской литературно-теоретической мысли. Остановимся на термине *μῦθος*. Слово *μῦθος* Ордынский перевел как вымысел и так прокомментировал свой выбор: «вымысломъ, *μῦθος*, называетъ Аристотель то, что мы называемъ 1) содержаніемъ и 2) сюжетомъ. Последнее слово едва ли замѣнимо русскимъ словомъ; не менѣе насъ затруднялся въ этомъ отношеніи и Аристотель. Онъ по всей вѣроятности первый усвоилъ слову *μῦθος* то значеніе, которое имѣет оно в разбираемомъ сочиненіи и которое я рѣшился придать нашему слову: вымысль; оно, мнѣ кажется, точнѣе и опредѣленнѣе басни, фабулы» [2, с. 77]. Как мы видим, четкого объяснения своему выбору переводчик не дал. Следующие за этим объяснением примеры употребления слова *μῦθος* в греческих трагедиях [2, с. 78] тоже не проясняют ситуацию. Мы не понимаем до конца феномен античного, да и не античного, мифа. В «Поэтике» Аристотель назвал поэтов творцами мифов. Но что он под этим понимал: миф как культурный феномен, или миф как содержательную, событийную часть произведения, то, что в современной литературной теории передается через термин фабула? Вероятно, Ордынский хотел просто уйти от латиноязычного, позднего по отношению к Аристотелю термина, имеющего слишком много, по его мнению, дополнительных значений, и предложил более однозначный и нейтральный вариант. Для того, чтобы понять, подходит ли этот

вариант перевода, надо сначала выяснить, что понимал под словом *μῦθος* Аристотель.

Другим термином, которому переводчик уделил значительное внимание, является *κάθαρσις*. Ордынский, придерживаясь теории Лессинга, интерпретировал его как «очищение страстей» [2, с. 8]. Современный переводчик и исследователь теории катарсиса М.М. Позднев указал на анахронический для середины XIX характер подобной ориентации на теорию немецкого просвещения [3, с. 482]. Однако новация Ордынского заключается в другом. Его предшественники, Н. Остолопов и В. Белинский, под влиянием немецкой романтической эстетики называли в качестве причины страданий трагического героя рок, судьбу и несчастную любовь. Ордынский же вслед за Аристотелем считал причиной страданий главного героя *ἁμαρτία* – грех. Причем он различал *ἁμαρτία* – грех, поступок обдуманный, но не подлый, *ἀτύχημα* – «проступок необдуманный и не происходящий от подлости» [2, с. 96] и *ἄδικημα* – «обдуманный и происходящий от подлости» [2, с. 96]. Про рок, судьбу или несчастную любовь в качестве причины страданий трагического героя Ордынский не упоминал. Он вернулся к концепции Аристотеля о том, что «события должны истекать одно из другого или по вѣроятію, или по необходимости, что ужасъ и состраданіе должны возбуждаться самими дѣйствіями, самимъ совокупленіемъ дѣйствій, а не внѣшней обстановкою» [2, с. 70–71]. Однако инерция понимания причин страдания трагического героя в духе немецкой романтической эстетики была настолько сильна, что еще в 1870-е гг. Ф.М. Достоевский писал о значимости рока и судьбы для трагического финала.

То, как Ордынский понимал основную задачу трактата Аристотеля («дать ... творцамъ, художникамъ, нѣсколько правилъ, большею частію практическихъ, опытныхъ, которыми бы руководились трагическіе поэты»), определило структуру его перевода. В отличие от Чернышевского и многих других современных ему и более ранних авторов, Ордынский был твердо убежден, что «Поэтика», несмотря на темный стиль и обилие противоречий, является цельным и законченным произведением. И основным содержанием этого произведения, по мнению переводчика, было описание трагедии. Ордынский начал свое «Предисловие» с цитаты из «Гамбургской драматургии» Лессинга. В этой цитате речь идет о драматическом искусстве. В «Изложении», после обоснования перевода названия трактата, Ордынский указал, что намерением Аристотеля было «говорить о поэзіи и о видахъ ея» [2, с. 44] и далее стремился доказать, что основным предметом рассуждений Аристотеля являлась именно трагедия. По мнению Ордынского «главное вниманіе»

Аристотель обратилъ «на *вымыслы*, на составленіе вымысловъ (т. е., в терминологии Ордынского – на фабулы – А.Н.); а искусно составлять вымыслы трагическому поэту болѣе было необходимо, чѣмъ какому либо другому греческому поэту, даже болѣе, чѣмъ комику Аристотелева или до-Аристотелева времени» [2, с. 46]. Следовательно, заключил Ордынский, «слѣдуетъ предположить, что Аристотель больше всего займется *трагедіею*» [2, с. 46]. Комедия, по мысли переводчика, во времена Аристотеля «не отрѣшилась еще отъ постороннихъ цѣлей, не получила самостоятельного характера, продолжала еще быть государственнымъ и общественнымъ памфлетомъ, аѳинской газетою» [2, с. 46], а потому не заслуживала отдельного внимания, лирическая поэзия «тоже была не самостоятельна ... и тѣсно связывалась съ музыкою» [2, с. 46]. По поводу эпопеи Ордынский писал, что «по понятіямъ Платона и Аристотеля и вообще древнихъ грековъ, [эпопея] есть *неразвитая трагедія*» [2, с. 46] и привел следующие примеры: «Платонъ в «Государствѣ» называетъ Гомера то первымъ учителемъ и вождемъ трагиковъ, то первымъ изъ трагиковъ» [2, с. 47], Аристотель в 6 главе относит «Одиссею» и «Илиаду» к трагедии и вообще очень часто, говоря о трагедии, приводит примеры из эпоса. Т. е., заключил Ордынский, «Аристотель не различалъ строго трагедіи от эпопеи» [2, с. 47]. Все это позволило переводчику сделать вывод, что основным предметом описания трактата Аристотеля является не просто поэзия, а именно трагическая поэзия. Такое понимание содержания и основной цели Аристотелева трактата определило структуру перевода Ордынского: главы, посвященные природе и основным частям трагедии, он перевел, а остальные главы пересказал.

Итак, Ордынский предложил не только первый последовательный системный с терминологической точки зрения перевод «Поэтики» Аристотеля. Он предложил первый научный и критический перевод трактата на русский язык. Он же одним из первых последовательно отстаивал цельность, связность и законченность «Поэтики», а ее противоречивость и темноту объяснял специфическим философским методом Аристотеля и его пониманием поэзии. В последней части «Изложения» читаем: «Аристотель умѣет, когда нужно, быть *по своему* точенъ. Въ кажущейся неточности его открывается часто изумительная точность» [2, с. 133] – здесь теоретик и переводчик середины XIX в. приблизился к рассуждениям Лосева, который, перечислив на многих страницах противоречия в трактате афинского философа, заключил, что Аристотель понимает искусство диалектически как становящееся отражение «становящегося бытія» [4, с. 396].

Список литературы

1. Новосадский Н.И. Введение // Аристотель. Поэтика / Пер. Н.И. Новосадского. Л.: Academia, 1927. С. 7–37.
2. О поэзии, сочинение Аристотеля. Перевель, изложилъ и объяснилъ Б. Ордынскій. М., 1854. 135 с.
3. Позднев М.М. Психология искусства. Учение Аристотеля. М.; СПб.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 816 с.
4. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 775 с.

THE FIRST RUSSIAN TRANSLATION OF ARISTOTLE'S «POETICS»

A.Yu. Nilova

The influence of the Aristotle's treatise the European literary theory is difficult to overestimate, however, the philosophical method of Aristotle, his manner of presentation in this work are significant difficulty for all interpreters of the Poetics. The first Russian translation of the «Poetics» was made in 1854 and became the first scientific and critical translation of the treatise, which set the vector for its subsequent translations. The chapter describes the structure of Ordynsky's work, analyzes the translation of the title of the Stagirite's work, the translator's understanding of the main theme of «Poetics» and Ordynsky's interpretation of Aristotle's terms $\mu\ddot{\upsilon}\theta\omicron\varsigma$ and $\pi\acute{\alpha}\theta\omicron\varsigma$, notes the continuity and innovation of Ordynsky in relation to the previous tradition of interpreting the treatise.

Keywords: Aristotle, «Poetics», Ordynskiy, translation, poetry, tragedy, catharsis, mimesis.

3.2. АНТИЧНОСТЬ В КОНЦЕПЦИИ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ» (1825–1834)¹

© Е.П. Литинская

Цель настоящего исследования рассмотреть античный материал на страницах журнала «Московский телеграф» с учетом утверждения о «пользе и удовольствии читателя», к которому должен стремиться журналист. В результате анализа исторических, критических и литературных публикаций приходим к следующим выводам. Романтизм, переосмысливая античный материал, возможно, и «затемняет» классицистический компонент литературного процесса в первой половине XIX века. Однако античность продолжает считаться эстетическим идеалом, на котором необходимо, по мнению редактора Н. Полевого, воспитывать современное ему поколение.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22- 18-00423, <https://rscf.ru/project/22-18-00423/>.